

Olga Lazarescu

Moscow State Pedagogical University

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «ВЕЖЕСТВО» КАК ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА¹

Literary Concept of «Vezhestvo» as an Ethico-Aesthetic Basis for the Works of Russian Literature and Folklore

ABSTRACT. Conceptual opposition of «vezhestvo» («decency»)/«ignorance» has long been an ethico-aesthetic basis for many works of Russian literature and folklore, thus defining their ideological thematic, and structural configuration. In oral epos, «vezhestvo» appears as life-constructing value which is based upon a hero's awareness of his own destiny and means of its implementation, such as particular behavioral style, experience, knowledge and skills on dealing with hostile forces, acceptance of an idea of the world's hierarchy, reliance on help from divine powers, parents' blessing for great doings, etc. «Ignorance» implies, respectively, incomprehension or rejection of these values. In literary epos, «vezhestvo» continues to function as a sign of traditional spirituality, thereby reproducing a national model of the world as a synthesis of many beginnings: courtesy, erudition, intellect, and exactingness of aesthetic taste of the Russian. In the context of literary search in the second half of the 18th century, a trend of jokey, ironic outplaying of typical situations, which a man had been encountered from the times of epic heroes, became stronger. The most representative examples of interpretation of a literary concept of «vezhestvo» of that period one can find in bogatyr poems by N.A. L'vov and N.M. Karamzin.

KEYWORDS: concept, vezhestvo (decency), ignorance, bylina, bogatyr

¹ Работа поддержана грантом РФНФ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин. Энциклопедический словарь».

В статьях *О любви к отечеству и народной гордости* (1802) и *Русская старина* (1803) Николай Карамзин, очерчивая характер русского народа, проводит разграничение между «ученостью», как результатом развития наук, и «разумом», без которого невозможны успехи духовного свойства: «Успехи литературы нашей (которая требует менее учености, но, смею сказать, еще более разума, нежели собственно так называемые науки) доказывают великую способность русских»². Очевидно, именно несовпадение этих «способностей», их непрямая зависимость (учённость/разум) порождали восприятие русской культуры и самого народа как «загадочного», непонятного, парадоксального. Карамзин же говорит, что многие «достохвальные черты нравов мирят нас с невежеством и суеверием наших предков», которые «отличались от других северных народов не только своею храбростию, но и каким-то рыцарским добродушием»³. Восприятие «невежества» как неучёности, которым отличались впечатления от России чужеземцев, ещё больше отдаляло от понимания характера народа. Между тем, концептуальная оппозиция «вежества»/«невежества» издавна является эстетической основой многих произведений русской литературы и фольклора, определяя их идейно-тематическую и структурную конфигурацию.

Понимая под «концептом» «совокупность представлений народа о предмете или явлении, названном тем или иным словом»⁴, отметим, что в концептосфере русской народной традиции «вежество» – основополагающая ценность, своеобразный «кристалл», который преломляет в себе интенции, формирующие национальную картину мира. В первую очередь это относится к устному эпосу как «факту народного самосознания и национальной культуры», способному «в художественно убедительной форме сохранить память о сущности события, воспринимаемого как исключительный пример, жизненно актуальный своей этической значимостью»⁵. Функционирование в былинах концепта «вежество» определяется законами поэтики устного эпоса, в котором детализация факта не является приоритетом:

Верная передача центральной идеи не нуждалась в следовании всем деталям факта. Напротив, былина часто пользовалась мотивами, идущими от “посторонних” фактов. Не связанные происхождением с отправным для былинного сюжета событием, они привлекались в той мере, в какой способствовали верной передаче его идейного смысла⁶.

² Н.М. Карамзин, *Записки старого московского жителя: Избранная проза*, Москва 1986, с. 331.

³ Там же, с. 280, 329.

⁴ А.М. Шуралёв, *Концептологический аспект анализа художественного текста на уроках литературы: Монография*, Уфа 2012, с. 80.

⁵ С.Н. Азбелев, *Историзм былин и специфика фольклора*, Ленинград 1982, с. 23, 265.

⁶ Там же, с. 265.

Казалось бы, какое отношение «вежество» как личное качество Добрыни Никитича могло иметь к исходу битвы Добрыни и Змея? Или «вежество» Ильи Муромца – к победе над Мамаем? Или внешне позиционирующее себя как «невежество» поведение Алёши Поповича – к исходу его битвы с Тугариным? Однако именно оно становится тем «мотивом», который способствует «верной передаче идейного смысла» произведения. В русской народной культуре «вежество» можно рассматривать в ряду «аксиологических констант», которые «служат для “очеловечивания” мира, наделения его смыслами» – таких, как соборность, софийность, справедливость⁷.

Комментаторы современных изданий былин определяют значение слова «вежество» («вежество») как «поведение», «учтивость», «вежливое обращение»⁸. Этимологические словари отмечают, что слово «вежливый» произведено от «вежа» – «знаток», «знающий», «опытный»⁹. П. Черных указывает, что «вежливый» (*humanus, urbanus*) произведено от «вѣдьти» – «знать», «ведать»¹⁰, и что значение «учтивый» – позднее, не раньше XVI в. Словарь И. Срезневского определяет значение «вежливый» (и «вежа») как «знающий», «сведущий» (*homo rei peritus, palpebra*)¹¹. Как видно, перевес в семантике слова «вежество» отдаётся не вежливости как стилю поведения, а знанию и опыту («разуму»), хотя не исключено и значение учтивости и вежливого поведения.

Реализация концепта «вежество» с наибольшей очевидностью связана с именем Добрыни Никитича: «В образе Добрыни воплощается совокупность качеств, которые народ обозначает словом “вежество”: Добрыня вежлив, сдержан, знает искусство обращения с людьми; он “на речах разумный”, “с гостями почестливый”; он не только грамотен, но и хорошо образован; он – прекрасный музыкант. На Добрыню в былинах часто возлагаются поручения, в которых надо проявить такт и деликатность. Он – исполнитель всякого рода дипломатических миссий, достойно представляющий русскую культуру в сношениях с иноземцами. В облике Добрыни “вежество” сочетается с храбростью и мужеством»¹².

⁷ И.А. Голованов, *Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX-XXI вв.): Монография*, Москва 2014, с. 27.

⁸ *Былины: В двух томах*, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова, т. 2: Словарь, Москва 1958, с. 510; *Древние русские стихотворения, собранные Кирием Даниловым*, второе дополненное издание подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов, Москва 1977, с. 471.

⁹ Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская, *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва 1971, с. 72.

¹⁰ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. 1, Москва 1993, с. 138.

¹¹ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка: В трёх томах*, т. 1, Москва 2003, с. 483.

¹² *Былины: В двух томах*, Вступительная статья, т. 1, с. 35.

Надо заметить, что в былинах, не связанных с именем самого вежливого героя, учёба, обучение грамоте также является неоспоримой ценностью, открывающей возможность овладения теми «премудростями», в которых «специализируется» конкретный герой. Так, Волх Всеславьевич прежде чем научиться «премудростям» «обвертоваться» ясным соколом, серым волком, «гнедым-туром золотыя рога», научился «пером писать»:

А и будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться, –
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать, –
Письмо ему в наук пошло¹³.

Даже антипод Добрыни по поведению, драчун и буян Василий Буслаев, изучает «грамоту»:

А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером ево писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Петьё Василью в наук пошло¹⁴.

В варианте былины *Богатыри на заставе. Бой Ильи Муромца с сыном* даётся информация о роде занятий богатырей вне похода, во время несения службы по охране «Киев-града». И здесь Добрыня живёт «во писарях» (т. 1, с. 203), что поддерживает его репутацию вежливого, то есть грамотного, хорошо образованного, знающего человека. Однако эти качества сами по себе отнюдь не всегда способствуют решению насущных проблем. Так, в упомянутой былине вежливость Добрыни, его дипломатические качества не могут решить проблему усмирения враждебно настроенного чужака, оказавшегося впоследствии сыном Ильи и идущего громить Киев. «Старый казак Илья Муромец» посылает к чужаку Добрыню, чтобы предотвратить ненужное столкновение – Добрыня «роду он ведь вежлива»:

Он вежлива роду-то, очестлива,
Да умеет со молодцем соехаться,
Да умеет он со молодцем разъехаться,
Да имеет он ведь молодцу и честь воздать (т. 1, с. 207).

¹³ *Былины: В двух томах*, т. 1, с. 9. В дальнейшем ссылки на тексты былин даются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы (за исключением отдельных случаев).

¹⁴ *Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым*, с. 48.

Однако, «вежество» Добрыни оказывается бессильно тогда, когда под ним подразумевается только учтливое поведение. Истинный потенциал его «вежества» раскрывается не тогда, когда Добрыня заменяет собой кого-то, хотя и своего названного брата, выполняет чьё-то поручение. Другими словами, бьётся с тем, кто ему «не чета» («Не моя едет чета и не моя верста» (т. 1, с. 198)), делает то, что не в его компетенции, как в приведённом примере – решает проблему «отцов и детей». «Вежество» Добрыни – в понимании своего предназначения и умении использовать свои отличительные качества конструктивно, строить из них новую реальность. И дело не в растрачивании богатырской силы зря и не в том, что перед ним недостойный соперник, ведь противник Добрыни – тоже богатырь, «удалый да добрый молодец»:

Он едет, молодец, дак потешается:
Он востро копьё мечет да по поднебесью,
Он одной рукой мечет, другой схватыват (т. 1, с. 195).

Дело именно в том, чтобы выйти на свою «версту» и биться с тем, кто ему «чета». В былине *Добрыня и Змей* Добрыня Никитич, оказавшись лицом к лицу со «змеиницей Горынищей», предпочитает сразу покончить со злом, мучающим родную землю:

Да й скочил-то он змеишу на белы груди,
Распластать-то ей хотит да груди белые,
Он хотит-то ей срубить да буйны головы (т. 1, с. 40).

Однако после предложения Змея составить «записи немалые» – своеобразный договор «о ненападении» («Не съезжаться бы век по́ веку в чистом поле, / Нам не делать бою-драки, кроволития промеж собой»), отпускает врага. Причина этого пакта не в соглашательстве Добрыни со Змеем, а в том, чтобы ещё сильнее обострить конфликт добра со злом. Ведь в руках у Добрыни в тот момент оказывается непобедимая, мистическая сила – «колпак земли греческой», который помог ему без богатырского снаряжения («сабли вострой», «копья мурзамецкого», «палочки булатной», «шалыги подорожной», «плеточки шелкóвой») завалить Змея «на сыру землю» (т. 1, с. 40–46). Здесь «вежество» богатыря выступает как дипломатический ход, который помогает ему подготовиться к решающей схватке и уличить Змея в том, что он первый нарушил заповедь. Одновременно договор является приёмом, позволяющим дать эпическую развёртку событий, ставших непосредственной причиной финальной встречи Добрыни и Змея, а именно, того, что Змей, в нарушение договора, уносит в свои пределы племянницу киевского князя Забаву Путятичну.

Тактическое искусство Добрыни, поданное в форме дипломатического акта, стало способом реализации нравственной позиции героя. В результате такого «вежества» было освобождено множество пленников Змея, а не только племянница князя. Этот путь («верста») для Добрыни оказался непрямым, через дипломатическую хитрость, но он достиг своей цели, стал конструктивным, жизнестроительным:

Кто откуль вы да унёсены,
Всяк ступайте в свою сторону,
А собирайтесь все да по своим местам,
И не троне вас змея болé проклятая.
А убита е змея да та проклятая... (т. 1, с. 55–56).

В нравственном поле богатырей договор, «заповедь» – одно из фундаментальных проявлений «вежества», на котором построен сюжет многих былин, когда заповедь становится залогом спасения от гибели, разрушений и т.д. Так, в былине *Бунт Ильи против Владимира* обида богатыря на князя за то, что тот не пригласил его на «почестен пир», могла обернуться многими бедами, в том числе, бунтом «голи кабацкой» и даже «было намерение наряжено /... убить ... князя Владимира, / Со стольною княгиней с Опраксией» (т. 1, с. 143). И только решение послать на замирение с Ильёй Добрыню Никитича спасает ситуацию, ибо все знают, что у Добрыни с Ильёй

Кладена была заповедь великая,
Подписи были подписаны, –
Слухать большему брату меньшего,
А меньшему брату большего.

Илья прямо говорит: «Кабы не ты, никого бы не послушал / ... А нельзя закон переступить» (т. 1, с. 142). Единственный случай, при котором нарушение заповеди признаётся оправданным, – когда неминуемо столкновение с вражескими силами. Так, в былине *Первая поездка Ильи Муромца. Илья и Соловей-разбойник* Илья сокрушается о том, что вынужден нарушить обещание, данное отцу, не обнажать оружие по дороге в Киев: «Не хотелось было батюшку супротивником быть, / Еще знать-то его заповедь переступить» (т. 1, с. 128).

Другие богатыри, «крестовые братья» Добрыни, несут службу, которая определена им их личной историей. Исцелившийся в тридцатилетнем возрасте от тяжёлой болезни Илья Муромец служит атаманом – как человек, воспитанный в духе почтения к старшим («старичкам»), родителям, ответственный,

скромный. Если акцент в характеристике Добрыни сделан на его грамотности и учтивости, то в характеристике Ильи он смещён в сторону его ответственности перед другими людьми. Главная нравственная заповедь, которую усваивает Илья, получая благословение от родителей – быть благодарным Богу за исцеление, жить скромно, не обижать ни «татарина», ни «крестьянина»:

А говорили тут отец с матушкой:

«Ай же ты, мое чадо милое!

Ай господь ти бог дал силу великую.

А живи как ты да поскромнешеньку,

А не давай ретиву сердцу волюшки».

...

«А уж поедешь ты ли, чадо наше милое,

А ты во славныи да ли во Киев-град,

А не кровавь сабли кровавоей,

А не сироти-ка ты ли ты да малых детушек,

А не бесчести-ка ты да молодых жен!» (т. 1, с. 125–126).

Можно сказать, что «вежество» Ильи – это его ответственность и скромность, определившие исход важнейших военных событий. В былине *Мамаево побоище* Илья стоит перед выбором, кого из названных братьев послать к Мамаю с разведывательной целью – чтобы «Посмотреть войско изрядное, – / Со которой стороны начинать нам будет?». Перебрав в уме отличительные качества богатырей – «Самсона послать, – силой силен, да неповоротливый. / Потеряет он у Мамаея буйну голову; / А если Дуная послать, – Дунай он задорливый, / Позадорится заехать во рать-силу великую / ... потеряет буйну голову; / ... Если Добрыню мне послать, – Добрыня все не высмотрит, / И не узнать Добрыне силы Мамаевой»; / Если Василия послать, – не сосчитает он силу / И не пересмотреть её со краю на край, / Потеряет Василий буйну голову долой», Илья принимает решение самому идти в стан врага, продумав предварительно тактический план битвы с Мамаем и оставив распоряжение своим воинам:

«Как зазвонит палица боевая,

и зачивкает моя сабля острая,

И затрублю я во турий рог.

И во середку в силу не ездите,

А рубите силу со краю на край...» (т. 1, с. 178–179).

Однако решающим в битве с Мамаем оказывается не тактика боя, а самая скромность Ильи, его небогатый внешний вид, больше напоминающий калику перехожего. Не зря при встрече с Мамаем тот воспринимает Илью как человека «странного»: «Уж ты гой еси, Личарда слуга верная! / И зачем ты ходишь, и что тебе надобно...?». Неузнанный Мамаем, богатырь вводит в заблуждение врага относительно своих сил («Ростом он умеренный, в плечах не широк был»), намеренно умаляет их, дразня при этом Мамаю:

«Не уехать тебе, Мамай, от города, от Киева,
Срубит у тебя стар казак буйну голову» (т. 1, с. 179–180).

Усыпив бдительность врага («Мамай да прирасхонулся»), Илья убивает его и вместе со своими богатырями рубит и всё мамаево войско – «сутки пятеро». Победа добыта. Однако былина не заканчивается. Её финальная часть представлена своеобразным рассказом в рассказе, который должен закрепить смысл, формируемый интенциями героя – скромность, взвешенность поступков, спокойная сила, которая не демонстрирует себя раньше времени, есть основа победы. Два брата Суздальцы, оставшиеся в лагере («Чтобы встретить с приезде богатырей кому быть»), не устояли перед искушением «похвалиться» своей силой:

«Кабы была теперь сила небесная,
И все бы мы побили ее по полю».
Вдруг от их слова сделалось чудо великое:
Восстала сила Мамаева,
И стало силы больше впятеро (т. 1, с. 181–182).

Братья бросили вызов высшим силам. Но в нравственном поле Ильи Муромца такое поведение неконструктивно, разрушительно. Это небогатыйское поведение – «невежество». Только после того, как сам Илья покаялся перед Богом за «глупые слова» своих братьев, «повалилась сила кроволитная».

Нравственный принцип Ильи Муромца не «похвальба» силой, а испытание силы – своей, других богатырей. Так, задумав встречу с великаном Егором-Святогором, он желает «попробовать силушки» Святогора:

«Да нужно мне с тобой познакомиться,
Твоей-то силушки да попробовать.
Как про тебя слава широко-то шла
По всим землям-то, еще по всим ордам,
Как очень ты был да ведь сильныи, --
Потому наехал я теперь
На тебя, на доброго молодца»,

а также проверить свою силу:

«Как раньше ездил я да наезживал,
Как сразу я головушек поимывал,
С добрых-то я коней попихивал.
Теперь-то у меня сила не по-старому,
Могутá стала да не прежняя» (т. 1, с. 25, 24).

Однако когда после братания с Ильёй Святогор хочет передать ему всю свою силу, тот отказывается – «Не надо мне твоей боле силушки» (т. 1, с. 26). Илье не нужна дареная сила, единственный внешний источник силы, который он может принять и на который уповает – помощь Божия и Богородицы:

И еще тут-то старый казак возмолится:
«Уж ты спас, спас многомилостив,
Пресвята ты мати божия, богородица!
Как стоял я за веру христианскую,
И стоял я за церкви за божие,
И стоял я за честные монастыри».
У стара казака силы вдвое прибыло... (т. 1, с. 200).

Причиной гибели самого Святогора народное сознание определяет не только «бездейтельную»¹⁵ силу, но именно «похвальбу» как духовный изъян исполина. В былине *Святогор и тяга земная* попытка преодолеть земное притяжение – «Как бы я тяги нашел, так я бы всю землю поднял!» – трактуется как наказание за «похвальбу»: «Тяги-то земли он нашел, а бог его и попутал за похвальбу» (т. 1, с. 22).

Небогатырский внешний вид, нарочитая скромность, облик калики перехожего как способ усыпить бдительность врага используются и в былинах *Илья Муромец и Идолище в Киеве* и *Илья Муромец и Идолище в Царе-граде*, где победа над «невежей поганым Идолищем», оскверняющим церкви и «святые образа», следует после того, как Илья меняется одеждами с паломником, идущим из Иерусалима. Он надевает старческие лапти и шляпу, а затем на расспросы Идолища о том, каков Илья Муромец, сколько ест, сколько пьёт, велик ли, отвечает, преуменьшая достоинства и возможности богатыря. Напротив, Идолище похваляется тем, что его воины «по кулю да хлеба к выти кушают, / На раз же по ведру вина да выпьют ли» (т. 1, с. 186), что не помогает им в битве с русским богатырём.

¹⁵ *Былины: В двух томах*, Вступительная статья, т. 1, с. 21.

Однако не только похвальба, но и показная, коварная вежливость, учтивость предстают в былинах как духовный изъян. Это «невежество» под видом «вежества». В былине *Три поездки Ильи Муромца* «красна девица» Поляница низко кланяется богатырю, приглашая его в свой дом, усаживает за стол, угощает, спрашивает его отчество, ведёт «Во тую ли во спальню, богато убрану, / И ложит тут добра молодца на ту кроваточку обманчиву» (т. 1, с. 219). И только знание и опыт Ильи помогают ему не оказаться в погребе под «кроваточкой», а, напротив, освободить томившихся там богатырей и запереть в погребах саму Поляницу.

Но зато искренняя, не обманчивая вежливость, честность, благодарность за помощь как проявления истинного «вежества» особо ценятся народным сознанием. В былине *Илья Муромец и Идолище в Царе-граде* в благодарность за избавление своего царства от Идолища константинопольский царь платит Илье золотом, серебром и жемчугом, предлагает остаться «на жительстве» и стать воеводой. Илья принимает плату («Это ведь мое-то заработное»), но отказывается остаться, ибо служит своему отчеству. При этом для Ильи важна не только и не столько материальная плата, сколько приветливость, доброе слово, чего он не видел и не слышал от своего князя:

«Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у ты только я три часа,
А выслужил у ты хлеб-соль мягкую,
Да я у ты еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимира,
Служил я у него ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкия,
А не выслужил-то я слова там гладкого,
Слова у него я уветлива, есть приветлива» (т. 1, с. 193).

Любопытно, что устойчивая конфронтация богатырей с князем киевским, встречающаяся во многих былинах, уравнивается столь же устойчивым определением князя как «ласкового», в котором, по всей видимости, отразился идеал правителя, способного объединить вокруг себя всех. Вот и Алёша Попович, став «могучим», отправляется к нему: «Лучше нам ехать ко городу ко Киеву, / Ко ласкову князю Владимиру». Алёша вне похода служит «во поварах». По некоторым признакам можно заключить, что науки – не та область, где он преуспел. При выезде из родного Ростова он просит своего спутника Екима Ивановича прочесть надпись на камне для выбора дальнейшего пути:

«А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученый человек!
Посмотри на камению подписи,
Что на камению подписано?» (т. 1, с. 244–245).

Но первое большое испытание – бой с Тугариным – Алёша выигрывает благодаря и силе, и смелости, и хитрости, с переодеваниями, сначала в одежды калики перехожего, а после победы над Тугариным – в его одежды, чтобы пошутить над своими же собратьями. На первый взгляд, Алёша ниспровергает кодекс поведения богатырей, в частности, в том, что он не может удержаться от хвастовства. У него репутация хвастуна, поэтому он годится не для всех заданий. Илья не может послать его на встречу с чужаком в былине *Богатыри на заставе. Бой Ильи Муромца с сыном*, потому что «он ведь роду-то хвастливого, / Потеряет свою буйну голову» (т. 1, с. 207). Имеется запись былины, в которой Алёша хвастает своей «службой царскою» и «удачей богатырскою» (т. 1, с. 281). То есть, Алёша силен, смел, но при этом он неуч, хвастун, у него часто неосмотрительное поведение. Однако этот богатырь реализует собой модель «вежества» под видом «невежества». В былине *Алёша и Тугарин в Киеве* богатырь сначала долго надсмехается над Тугариным, который в своей гордыне перед князем и киевлянами перешёл все границы, а затем применяет приём прямого обмана, уловки – вынуждает змея оглянуться во время боя назад, тем самым, обеспечивая себе победу. И даже обманывая своего названного брата Добрыню и его семью – объявляет Добрыню убитым «во чистом поли» и сватается к его жене Настасье Никуличне во время долгого отъезда богатыря – Алёша готов в любой момент виниться перед другом. Его сватовство больше похоже на скомороший спектакль, шутку, нежели на серьёзный, судьбоносный поступок (*Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши*). Эта шутка из разряда уже упомянутого переодевания в одежды Тугарина в былине *Выезд Алеши из Ростова и встреча его с Тугарином*, в результате которого неузнанный своими братьями он чуть не погиб от их «палицы боевой в тридцать пуд». Это «шутки» на грани жизни и смерти, которые несут в себе жизнестроительный потенциал, заостряют проблему. В разных былинах этот потенциал реализуется в разной степени. Так, в былине *Бой Алеши со Змеем* скоморошье поведение богатыря – на пиру у князя валяется на «печечке муравчатой» – помогает вскрыть измену княгини, ставшей любовницей Змея Тугарина, после этого окончательно разделаться со Змеем в открытом бою. Соблазнение чужой жены Алёша искупает спасением других девиц (своей сестры в былине *Алеши избавляет сестру*, своей будущей невесты в былине *Алеши и сестра Петровичей-Збродовичей*), а также спасением репутации самого князя.

В когорте богатырей переступившим «красную линию», когда шутка перестаёт быть конструктивной, жизнестроительной и становится разрушительной, выступает Василий Буслаев. Пока он «головами играет» в честном бою, он остаётся богатырём, но когда он попирает символы, кощунствует – разбивает церковный колокол на голове своего крёстного, пинает ногами череп умершего богатыря, перепрыгивает через могильный камень, купается нагим в реке Иордан, где крестился Христос – он обречён. Его не спасает даже то, что он предпринял паломничество в Иерусалим, служил «обедни с молебнами» за себя и других, а в своих молодецких потехах спорил на всё, кроме разорения монастырей: «Окромѣ трех монастырей – / Спаса преображения, / Матушки пресвятой богородицы, / Да еще монастыря Смоленского» (т. 1, с. 356). В былине *Смерть Василия Буслаевича* рефреном проходят слова: Василий «не верует ни в сон, ни в чох» (т. 1, с. 366). В народном сознании «невежество» выступает духовным эквивалентом смерти. И если Добрыня, Илья, Алёша, другие богатыри, исповедующие принцип «вежества» в своих взаимоотношениях с миром, как правило, не умирают в рамках сюжета былины, а значит, в воображении слушателей и сказителей остаются вечно живыми, то Василия Буслаева смерть настигает в рамках сюжета былины и воспринимается как наказание за «невежество».

При этом шутка, скоморошество как способ позиционирования себя в мире – как стиль поведения и как понимание сути вещей («разум») – оказались продуктивны для эстетического сознания русских. Так, в былине *Гость Терентище* скоморохи названы людьми «вежливыми», «очестливыми», а скоморошество становится аллегорией излечения от социальных болезней, в данном случае, от похотливости жены купца, принимающего за чистую монету жалобы своей супруги Авдотьи Ивановны на самочувствие. Купец Терентий жену «во любви держал», отправился искать ей «дохтуров». Встретившиеся ему на пути скоморохи очень быстро «догадались» о болезни супруги. Догадливость как понимание типической ситуации помогли открыть «правду великую». «Лекарства» нашлись соответствующие – «червлёный вяз» и «дубина ременчатая, / Половина свинцу налитая». «Недуг» бежал через окно, оставив «Кафтан хрущатой камки, / Камзол баберековый, / А и денег пятьсот рублей» (т. 2, с. 426–431). «Вежество» скоморохов – в понимании сути вещей, знании человеческой природы и умении воздействовать на мир теми способами, которые этот мир заслуживает.

Эпохальный контекст русской литературы второй половины XVIII в. – существование конкурирующих эстетических программ, влияние европейских эстетических моделей – требовал создания новых литературных форм, учитывавших богатую палитру эстетических тенденций своего времени. Для русских писателей этого времени одним из источников создания новых форм стал фольклор, работа с которым была основана на стремлении не буквального, механического перенесения фольклорных образов, мотивов, средств

художественной выразительности в пространство собственного авторского воображения, но на их творческой переработке. Речь, в первую очередь, идет о двух, созданных примерно в одно и то же время произведениях – богатырской сказке Карамзина *Илья Муромец* (1795) и богатырской песне Н. Львова *Добрыня* (1796). Несмотря на свой очевидно экспериментальный характер¹⁶, обе поэмы декларируют приверженность богатырским идеалам, но реализуют их в той форме, которая соответствует духу своей эпохи и которую исследователи определяют как «поэтическая шалость» (В. Кошелев). Неузнаваемость былинного богатыря в богатырской сказке Карамзина и личное отсутствие богатыря в богатырской песне Львова, посвященной поиску этого богатыря, так и не появившегося в рамках сюжета, есть способ не механического перенесения фольклорных образов и мотивов в пространство авторского воображения, но творческая переработка, развитие традиции.

О. Подойницына пишет об *Илье Муромце*:

Уже с ... первого упоминания героя поэмы становится ясно, что автор вступает в противоречие с традициями не только античной мифологии ... но и с русской былинной традицией, ибо невозможно представить себе былинку, которая предуведомляла бы читателя или слушателя, что ее содержание – “ложь, неправда”, небылица, выдаваемая за быль (...) при всем многообразии отдельных сюжетов, с именем Ильи Муромца была связана единая и нерушимо устойчивая характеристика. В различных ситуациях он проявляет одни и те же качества, и каждое новое повествование укрепляет то представление, которое органически слилось с его именем. (...) У него нет других помыслов, кроме как оберегать родную землю от вражеских захватчиков (...) Его храбрость спокойна и разумна, лишена задора и бахвальства (...) Карамзин ... обратился с намерением наделить этим именем человека, не имеющего ничего общего с прославленным богатырем¹⁷.

Конечно, экспозиция поездки Ильи Муромца (у него нет богатырского задания, он просто «утром наслаждается» и любит красотою дня), мотивация его поступков (у него «сердце нежное», «душа чувствительная»), пафос певца, изла-

¹⁶ См. работы: В.А. Кошелев, «*Разные народы разные каши варят*»: об одной цитате Пушкина из *Львова*, [в:] *Гений вкуса: Материалы научной конференции*, Тверь 2001, с. 339–347; Л.А. Казакова, *Русская комическая поэма второй половины XVIII – начала XIX вв.*, Псков 2005. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов, *Гений вкуса. Н.А. Львов: Итоги и проблемы изучения: Монография*, Тверь 2008; О.Г. Лазареску, *Богатырская песнь «Добрыня» Н.А. Львова как поэтический эксперимент*, «*Преподаватель XXI век*» 2015, № 4, ч. 2, с. 433–440.

¹⁷ О.Э. Подойницына, «*Богатырская сказка*» *Н.М. Карамзина*, «*Преподаватель XXI век*» 2012, № 2, ч. 2, с. 373–378.

гающего историю героя (акцент не на были, а на вымысле), в поэме Карамзина полностью не соответствуют традиции. Точнее, традиционный статус богатыря представлен здесь как потенциальный. Ведь Илья прямо говорит, что он упова-ет на помощь Божию в том, чтобы «вечно следовать / богатырским предписа-ниям / и уставам добродетели, / быть защитником невинности, / бедных, сирых и несчастных вдов / и наказывать мечом своим / злых тиранов и волшебников, / устрашающих сердца людей!»¹⁸. Пасторально-идиллический фон поэмы («Солн-це красное явилось / на лазури неба чистого ... / Улыбнулось все творение; / воды с блеском заструилися; / ... Все кусточки оживились ...») и сентиментально-ро-манический настрой героя («Кто сей витязь, богатырь молодой? / Он подобен маю красному ... / Он подобен мирту нежному») — та экспериментальная «среда», в которой должны проявить себя сущностные качества богатыря, его «вежество». Карамзин сохраняет в своей сказке традиционный приём генерирования событий — случай. Но если в былине случай предполагает ключевое событие — испытание враждебными силами, он условно «запрограммирован», то у Карамзина встреча Ильи и девицы, спящей в «светло-голубом шатре» — это чистая случайность. Илья видит богатырскую ставку, проезжая обширное поле и «размышляя в себе». Та-кого рода случайность — тоже условие эксперимента, которое должно обнажить личные качества богатыря. Однако романическая история, которая должна была бы случиться, обрывается. Повествование сосредоточено на живописании спя-щей в шатре «беспримерной красавицы». Наслаждение красотой (богатырь возле неё «сидит как вкопанный» «неделю целую»), которое подаётся лирическим авто-ром через призму полотен Тициана и Корреджия, получает религиозный статус, уравнивается с молитвой монаха, наслаждающегося пением райской птицы. Па-литра эстетических переживаний богатыря передаётся религиозно-мистической категорией «чуда». Романическая история спящей красавицы также переносится в воображение: «... ему хочется узнать ее / любопытную историю / ... Если кто из злых волшебников / в плен возьмет девицу юную, / ах! чего злодей бесчув-ственный / с нею в ярости не сделает?»²⁰. «Вежество» Ильи Муромца второй по-ловины XVIII в. — в повышенном эстетическом реагировании, способности к игре художественного воображения, которые он делит с лирическим героем сказки. Эстетическое чувство карамзинского богатыря сродни способности пушкинского Дон Гуана воображеньем «в минуту дорисовать» всё «остальное»²¹. Жизнестрои-тельный потенциал богатыря новой эпохи переносится из сферы действия (битв,

¹⁸ Н.М. Карамзин, *Избранные сочинения: В двух томах*, т. 2, Москва–Ленинград 1964, с. 49.

¹⁹ Там же, с. 48–49.

²⁰ Там же, с. 52.

²¹ А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В десяти томах*, т. 5, Москва–Ленинград 1949, с. 378.

походов, дежурств на заставе и т.д.) в сферу эстетическую – служения и сбережения красоты.

В поэме Львова поэтический эксперимент выведен на новый уровень. Если у Карамзина богатырь, сохраняя приверженность вековым идеалам, предстаёт в новой ипостаси, то у Львова он даже не появляется в рамках сюжета. Добрыня здесь не персонаж, а образ искомого «вежества», которое в поэме так и не находит себе воплощения в конкретном человеке, материальном факте. Оно разлито во времени и пространстве и существует в иронических сопоставлениях, намёках и т.д. Именование поэмы даёт читателю ориентир, но всё, что происходит с лирическим героем, который отправляется в Киев в надежде встретиться с Добрыней, находится в области этических и эстетических переживаний, внутреннего диалога и даже полемики с «витязями» разных времён и народов, начиная с русского Световида и заканчивая европейским Бовой-королевичем, и даже «сыном усилия» М. Ломоносовым, который «трудности пересиливал / Дарованием сверхъестественным»²², создавая новую систему стихосложения. Последовательно отвергая все известные системы «мер» в искусстве и в жизни и, соответственно, всех встретившихся на пути или вспомнившихся «богатырей» и «витязей», певец находит ту точку равновесия духа, в которой ему открывается настоящая красота мира. Это состояние простоты и спокойствия: «Смейся попросту ... и спокоен будь». Перед этой красотой (серебристая дорожка ночного Днепра, золотокованные маковки «славного Киев-града», шатры на полях, «обед простой», который учуял нос путника) он готов «бить челом». Единственный витязь, которого певец предпочёл бы видеть рядом с собой – буйан Василий Буслаев. Его сила из разрушительной может быть преобразована в созидательную. Соединение силы и вежливости может стать жизнестроительным:

Очищай мне путь, Богуслаевич, –
Я с гудком моим белый свет пройду.
Кто нам трудный путь перелечь может?
Нет ни спорника, ни поборника,
Где гудок идет вслед за силою;
Для упрямых ты, я для вежливых.
Устоит ли что в поднебесности
Перед силою, пред согласиём?²³

²² Н.А. Львов, *Избранные сочинения*, вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии К.Ю. Лапо-Данилевского, т. 1, Кёльн Веймар Вена Санкт-Петербург 1994, с. 197.

²³ Там же, с. 199.

Таким образом, «вежество» как знак традиционной духовности оказалось востребовано русскими писателями второй половины XVIII века, стремящимися «увидеть развитие духовного потенциала русских людей»²⁴, воспроизвести национальную модель мира как синтез многих начал: и учтивости, и учёности, и разума, и взискательности эстетического вкуса русского человека.

²⁴ Д.В. Абашева, *Литературное произведение в контексте традиционной духовности*, [в:] *Образ народной культуры в литературе*, Чебоксары 2016, с. 9.